

М. ФОФАНОВА*

В Питере и в Москве**

<Фрагмент>

Многим известны мои воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, относящиеся к тому периоду, когда Ильич, находясь в подполье, скрывался у меня на квартире. Это было в самый канун Октябрьской революции.

...Первую неделю новой, социалистической эры я провела почти безотлучно в Смольном. Была на заседании Петроградского Совета, депутатом которого являлась, на II съезде Советов, дежурила в Военно-революционном комитете у телефонов, выполняла, как и другие товарищи, отдельные поручения Ильича. На первых порах главным из этих поручений была раздача листовок с декретами о мире и о земле. Листовки мы раздавали не только разъезжавшимся делегатам съезда, но и всем собиравшимся в путь фронтовым солдатам, деревенским ходокам, которых так много было тогда в Смольном. Ленин просил нас не жалеть листовок, давать каждому столько, чтобы он мог как можно больше распространить их в дороге. При всей своей занятости, Ильич то и дело заглядывал в комнаты, где шла раздача, и несколько раз звонил в типографии, чтобы ускорили печатание декретов. «Человек, у которого в руке наши декреты, — говорил Ленин, — вооружен самым мощным, самым необходимым сейчас оружием. Такой человек — лучший агитатор за идеи революции».

Ильич часто выезжал в те дни из Смольного: то в штаб, руководивший военными действиями против войск Керенского, то на заводы, и, в частности, на Путиловский, где строился бронепоезд,

* *Маргарита Васильевна Фофанова* (1883–1976) — советский хозяйственный, государственный и политический деятель. «М. В. Фофанову я знаю как энергичную и преданную большевичку с лета 1917 года. Осенью того же года, перед Октябрем, в самые опасные времена, она меня прятала у себя на квартире. С революции Октября 1917 года работает все время не покладая рук. <...> В. Ульянов (Ленин)» (*Ленин*. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 124–125).

** Огонек. 1958 г. № 17, апрель.

то на митинги. А приближались морозы. И Надежда Константиновна с Марией Ильиничной поглядывали с беспокойством на легонькое демисезонное пальтецо, в котором расхаживал Ильич. Еще когда он жил у меня на Сердобольской, это пальто решено было утеплить, подложив ватин. Тогда же я приготовилась вспороть подкладку. Но Владимир Ильич, давший сначала согласие на эту операцию, сказал вдруг: «Маргарита Васильевна, не нужно этого делать. Боюсь, на ватине пальто станет мне тесновато. Лучше купим, чуть погодя, настоящее зимнее».

Я поняла его маленькую хитрость: просто не хотел меня утруждать. В Смольный он ушел в демисезонном пальто и продолжал ходить в нем в холодную погоду. Не раз заговаривали с ним о необходимости приобретения шубы, но он только шутливо отмахивался. И лишь когда ударили морозы, дал наконец согласие на покупку. Дождаться, что он улучит часок и сам отправится в магазин, было, конечно, безнадежно. И Надежда Константиновна сказала мне: «Маргарита, ты знаешь, я не специалист в этих делах. Очень прошу тебя, поезжайте-ка с Манечкой и купите Володе шубу...»

Мы поехали с Марией Ильиничной в «Деловой двор», большой универсальный магазин на Мойке, близ Невского. Там, в отделе готового платья, мы выбрали Ильичу пальто с черным каракулевым воротником, на вате, из добротного материала, хорошее, удобное, правда, с одним, на мой взгляд, недостатком: воротник шалью. Он красив, но с обыкновенным воротником, который можно застегнуть, все-таки теплее. К сожалению, с застежными, английского типа воротниками были только меховые шубы, очень дорогие, совсем не по средствам, имевшимся в нашем распоряжении... Кроме пальто мы купили Ильичу и каракулеву шапку-ушанку. У нас еще оставалась некоторая сумма. Продавались великолепные вязаные мужские жилеты из чистой шерсти. «Возьмем!» — предложила я. Мария Ильинична задумалась: «Не сочтет ли нас Володя транжирами?» Я стала уговаривать. «Ладно, — сказала она. — Вещь, действительно, чудесная. Покупаем!»

И пальто и шапка понравились Владимиру Ильичу. А вот третьей нашей покупки, как и предполагала Мария Ильинична, не одобрил: «Неразумная трата денег. Ты, Маняша, переусердствовала...» Мария Ильинична смолчала, приняв, таким образом, всю вину на себя, не выдав истинной виновницы «неразумной траты». Этот жилет Ильич в Питере так ни разу и не надел, считая его излишней роскошью...

К моменту покупки пальто — а это было в самом начале ноября — Ильичи (так друзья называли супружескую пару Ульяновых)

не имели еще своей квартиры. Владимир Ильич ночевал у Бонч-Бруевича на Херсонской, а если задерживался на работе допоздна, то ложился отдыхать в маленькой комнатухе, примыкавшей к совнаркомовской канцелярии. Весь тогдашний Совнарком размещался в трех комнатах: кабинет Ленина, приемная и канцелярия. Мне кажется, что следовало бы в этих комнатах на третьем этаже левого крыла Смольного восстановить обстановку той поры и открыть их для обозрения, как это сделано с квартирой Ульяновых здесь же, в Смольном...

Надежда Константиновна до получения квартиры жила у Елизаровых на Петроградской стороне. А работала она на Выборгской, в районном Совете. И, бывало, они с Владимиром Ильичем, закрутившись в делах, сутками не встречались. Помню, как однажды Ильич, дня два уже не видя Надежды Константиновны, попросил меня по дороге домой — я жила тоже на Выборгской — «забежать к Наденьке в Совет и разведать, здорова ли она».

Но вот наконец квартира получена, Ильичи вместе! Расположено их жилье удачно: в том же крыле, где и Совнарком, и прямо под совнаркомовскими «апартаментами» — этажом ниже. Квартира представляла собой, собственно, одну комнату, так как вторая, проходная, была полуумывальной, полукухней, заставленной к тому же какими-то огромными шкапами, наследством института благородных девиц... Квартира охранялась красногвардейцами, и попасть сюда можно было лишь по специальным пропускам, которые выдавал сам Ильич. Круг лиц, обладавших ими, был ограничен. У меня имелся пропуск № 12, заполненный и подписанный рукой Владимира Ильича. Эту желтенькую картоночку я долго хранила у себя, а затем передала в музей...

Надежде Константиновне из-за её чрезмерной занятости трудно было вести хозяйство. Ей необходим был помощник. Таким помощником, а вернее, деятельным, энергичным «управителем» стала несколько позже мать финского большевика А. В. Шотмана, хорошо знакомого Ильичу по подполью. Она приняла на себя все основные хлопоты по дому. А пока ее не было, Надежде Константиновне помогала Мария Ильинична, помогала и я. Моя домашняя работница Юзя готовила Ульяновым обед, прибирала у них в квартире. Юзя только что вернулась из деревни, куда ездила навестить своих больных родителей. И конечно же Ильич, жадно ловивший в те дни каждую весточку с мест, не упустил случая, чтобы не распространить ее обо всем виденном. Как восприняли в их деревне известие о революции? Что говорят про Декрет о земле? Как собираются распорядиться помещичьим хозяйством?.. Обстоятельная Юзя подробнейшим образом доложила обо всем этом Ильичу.

Юзя была глубоковерующей католичкой. Превыше ксендза не было для нее авторитета. С ним, ксендзом, она советовалась по любому поводу, большому и малому. Платье ли собирается шить, письмо ли пишет — непременно бежит к своему духовному отцу. А вот от чая с сахаром отказалась, не проконсультировавшись с ксендзом. Дело в том, что, по установившейся в Питере традиции, прислуге кроме основного жалованья полагалось еще выплачивать специальные деньги «на чай с сахаром». Получала их у меня и Юзя. Но однажды говорит: «Маргарита Васильевна, вы мне «чайных» больше не платите. Выпишите мне лучше на эти деньги «Красную газету». Оказывается, побывала она на митинге, где выступал Володарский. И так взял он ее за душу, так понравилась ей его пламенная речь, что стала моя Юзефа бегать по всем митингам, на которых ожидалось выступление Володарского. Купила его портрет и повесила у себя над кроватью. Узнала, что редактирует он «Красную газету». И вот хочет выписать ее. «А ты с ксендзом посоветовалась?» — спрашиваю. «Ну зачем с ним про такое?..» — отвечает в смущении.

Рассказала я об этом Ильичу. Он в восторге. «Чаю с сахаром предпочла, говорите, нашу “Красную газету”? А ксендзу — нашего Володарского? Превосходно! Архипревосходно! Вы даже не представляете себе, Маргарита Васильевна, сколь значителен данный факт...» Ильич и позже, в Москве уже, не раз вспоминал этот случай с Юзей, приводя его в пример того, как революционные идеи благотворно влияют на человеческие умы...

Я агроном по образованию. И Владимир Ильич часто давал мне поручения, связанные с деятельностью Наркомзема. А потом и говорит: «Пора вам садиться непосредственно в наркомат».

Трудно было работать в этом ведомстве. Вся коллегия, начиная с наркома, состояла здесь из левых эсеров. Они много шумели о так называемой «социализации» земли, а по существу, тормозили выполнение Декрета о земле. Поначалу я была, кажется, единственной большевичкой на весь Наркомзем и чувствовала себя тут одинокой и порой беспомощной. С какой завистью слушала я за столом у Ульяновых рассказы Надежды Константиновны о ее работе в Наркомпросе, куда она перешла недавно из района! Вот это был действительно большевистский наркомат, осуществлявший подлинную революцию в просвещении! А наш — эсеровская вотчина, болото... Но Ленин не спешил с удалением левых эсеров из Наркомзема. За их лозунгами шла еще определенная, довольно значительная часть крестьянства. И это следовало учитывать. «Не падайте духом, уважаемый товарищ! — говорил мне Ильич. — Выше голову. Твердо держитесь своей линии... Но не будем то-

ропиться! Жизнь сама скоро разоблачит лозунги левых эсеров, вскроет гнилую сущность их “социализации”...»

<...>